

На следующий день из-за плохого самочувствия Цзин Яо не пошел на утреннюю аудиенцию. Впервые с тех пор, как он взошел на трон, император «пренебрег своими обязанностями». Это повергло весь двор в панику. Некоторые даже, не гнушаясь ничем, бросились к опочивальне Цзин Яо, требуя личной встречи с государем, но всех их остановил Цзин Юнь.

— Чего вы всполошились?! Неужели император уже испустил дух?! — Цзин Юнь едва сдерживал гнев, глядя на это сборище никчемных людей. Неудивительно, что Цзин Яо дошел до такого изможденного состояния! Одни бездари вокруг!

В порыве негодования он забыл, что сам был одной из главных причин такого состояния брата.

— К-князь Юнь... Как там государь? Он в порядке? — один из министров, которого вытолкнули вперед, дрожащим голосом задал вопрос, встретившись с мрачным взглядом Цзин Юня.

— Будет лучше, если вы все уберетесь подальше!

Министр отшатнулся в испуге. Он никак не мог привыкнуть к перемене, произошедшей с князем Юнем. Раньше тот, хоть и держался отстраненно, все же излучал тепло. Сегодня же князь походил на призрака из преисподней: каждое его слово, казалось, пронизано могильным холодом.

— В-в таком случае, старый слуга... удаляется... — договорив, он развернулся и бросился бежать, будто увидел привидение.

Остальные министры, глядя на эту сцену, переглянулись и, опустив головы, поспешили уйти.

Они боялись, что князь Юнь воспользуется моментом, чтобы прибрать власть к рукам. Смена правителя всегда сулит кровопролитие. Они и не подозревали, что Цзин Юня престол совершенно не интересует. То, что для одних является величайшим сокровищем, для других — лишь прах и тлен. Печально и досадно.

Присутствующие были поглощены своими мыслями и не заметили, как неподалеку за колонной мелькнула фигура в одеянии дворцовой служанки, которая тут же скрылась за углом.

Проводив взглядом уходящих чиновников, Цзин Юнь с тяжелым вздохом вошел во дворец Юньсяо.

Как только Цзин Яо увидел, кто вошел, в его глазах вспыхнул свет, а на губах расцвела улыбка. — Юнь-эр пришел?

Цзин Юнь ответил что-то невнятное, небрежно присел рядом и отодвинул в сторону гору мемориалов.

Его больше не коробит, когда я называю его Юнь-эр? Глядя на действия Цзин Юня, пусть и холодные, но полные скрытой теплоты, Цзин Яо пришел в неопиcуемый восторг. — Ты пришел навестить меня так рано?

Только перед ним он мог не носить маску императора, не быть никем иным, кроме как мужчиной, жаждущим любви.

На этот раз Цзин Юнь промолчал, лишь поднял взгляд и пристально посмотрел на него.

Цзин Яо смутился под этим взглядом, решив, что брат снова рассержен. Он уже было собрался оправдываться, но следующая фраза Цзин Юня заставила его замереть.

— Третий старший брат... снова не хочешь пить лекарство? Ха, ты такой же упрямый, как и двенадцать лет назад. — На лице Цзин Юня медленно расцвела улыбка — подобная цветку на горной вершине, встречающему утреннее солнце.

Цзин Яо остолбенел, не в силах отвести взгляд. Как давно он не видел улыбки Юнь-эра? Когда он улыбается, все цветы вокруг меркнут, и даже он сам, Цзин Яо, тонет в этом сиянии, не в силах выбраться. Сколько бы лет ни прошло, он никак не мог привыкнуть к этому зрелищу.

Более того, он назвал его Третьим старшим братом! Значит ли это, что он готов его простить? И он до сих пор помнит, как он не любит лекарства...

Цзин Яо опустил глаза, скрывая навернувшиеся слезы. Он притворился веселым и даже добавил в голос нотки капризности: — С чего ты взял, что я не люблю лекарства...

— О? — Цзин Юнь иронично приподнял бровь и жестом велел евнуху Яо подать снадобье. Он с жалостью вздохнул и вытер слезинку в уголке глаза брата. — Тогда почему кто-то с самого утра жалуется мне на тебя?

Цзин Яо сердито причмокнул и гневно взглянул на евнуха Яо, но в его взгляде все еще сквозила радость, которую было невозможно скрыть.

— Князь, вы как всегда проницательны. Император уже несколько дней не прикасался к лекарству.

— Да как ты смеешь! — этот евнух Яо становился все наглее!

— Ладно, выпей уже. К чему злиться на евнуха Яо? Он ведь заботится о твоём здоровье. — Цзин Юнь взял чашу, зачерпнул ложкой лекарство, подул на него и поднес к губам Цзин Яо. — Давай, пей. Выпьешь — быстрее поправишься.

Цзин Яо нахмурился, взглянул на Цзин Юня, снова поморщился и с трудом проглотил горькую жидкость. — Как же горько!

— Полезное лекарство всегда горчит. — Цзин Юнь зачерпнул еще одну ложку.

Цзин Яо это не понравилось, он замотал головой, уклоняясь от ложки. — Больше не буду. Я и так поправлюсь, это всего лишь простуда.

Цзин Юнь ничего не поделал, кроме как нахмуриться и бросить на него тяжелый, мрачный взгляд. — Ты действительно не будешь пить?

Цзин Яо осторожно проследил за выражением лица Цзин Юня, покосился на черную как смоль жидкость и решительно покачал головой.

— Тогда у меня нет выбора. — Цзин Юнь вздохнул и приказал всем слугам удалиться. — Хочешь, чтобы я кормил тебя с рук?

Лицо Цзин Яо мгновенно вспыхнуло, он опустил голову и невнятно замотал ею. Хотя в глубине души он этого ждал...

Эх, каким бы сильным человек ни был, перед любимым он неизбежно показывает свою слабую сторону, надеясь на заботу и ласку, возможно, где-то в глубине души все еще испытывая тревогу.

Прошло немало времени, но ответа не последовало. Цзин Яо поднял голову, чтобы посмотреть, что делает Цзин Юнь, как вдруг ощутил на губах что-то теплое. — Ммм...

Цзин Юнь перелил лекарство из своего рта в его. Цзин Яо пришлось проглотить, поморщившись от горького вкуса.

Так, повторяя это снова и снова, они допили все лекарство.

Цзин Яо, тяжело дыша, с обидой и досадой смотрел на Цзин Юня. Он сердился на него за то, что тот совсем не жалеет его, ведь прекрасно знает, насколько это горькое снадобье, а все равно заставил выпить...

— Очень горько?

— Еще бы!

Цзин Юнь улыбнулся, выглядя совершенно невинно: — А почему я совсем не чувствую горечи?

Напротив, мне кажется, что оно сладкое.

Цзин Яо замер, осознав подтекст, и, протянув руку, притянул Цзин Юня к себе, заключая в объятия. — Тогда... хочешь попробовать еще раз?

Не дожидаясь ответа, он с жадностью прильнул к губам Цзин Юня, сплетаясь с ним в глубоком поцелуе.

Если в прошлый раз у горячего источника их близость напоминала тихий ручей, то сейчас она стала подобна стремительному водопаду.

Подавленные годами чувства вырвались наружу, заставляя его крепко прижать к себе Цзин Юня, выплескивая всю свою страсть.

В какой-то момент они оказались на кровати. Цзин Яо, навалившись на Цзин Юня, тяжело дышал, его глаза светились удовлетворением.

— Юнь-эр... Я люблю тебя. — Он произнес это торжественно, отчетливо выговаривая каждое слово, боясь, что тот пропустит хоть звук.

Цзин Юнь понимающе улыбнулся и с нежностью погладил уголок глаза брата, где уже пролегли тонкие морщинки. — Третьему старшему брату уже тридцать, верно?

Цзин Яо опешил, а затем горько усмехнулся: — Юнь-эр считает, что я стар?

Цзин Юнь покачал головой в знак отрицания: — Нет. Говорят, в тридцать лет человек обретает твердость, а у тебя при этом пустой гарем и нет наследников. Третий старший брат, ты когда-нибудь ненавидел меня за это?

— Что за чепуха! Я никогда не буду тебя ненавидеть, никогда! Ты всегда был и будешь моим самым любимым человеком!

— Что бы я ни сделал, даже если я причиню тебе нестерпимую боль, ты все равно меня простишь?

— Что бы ни случилось, я скорее буду ненавидеть себя, но никогда не обвиню тебя! Ненавидеть тебя? Как я могу? Без тебя у моей жизни нет смысла.

— Третий старший брат так добр ко мне, а я не могу ответить тем же. Что мне делать? — голос Цзин Юня дрогнул, и Цзин Яо, чувствуя, как сжимается сердце, обнял его еще крепче.

— Глупыш, мне не нужна твоя отдача. Просто знай это, и достаточно.

Цзин Юнь с туманной улыбкой согласно кивнул, прижавшись к груди Цзин Яо.

Третий старший брат, если когда-нибудь потом я разочарую тебя, просто забудь меня. Тогда никому не будет больно. Пусть больно будет только мне...

Подумав об этом, он взглянул на Цзин Яо, что все еще нависал над ним, слегка улыбнулся и потянул его за шею, отвечая на поцелуй.

Цзин Яо поначалу растерялся от его страсти, но быстро пришел в себя и перехватил инициативу, искусно пробуждая в Цзин Юне желание. Его пальцы ловко расстегнули потайные пуговицы, проникая под одежду. Ощувив тепло кожи, он выдохнул с довольным стоном. Цзин Юнь, охваченный порывом, принялся торопливо срывать одежды с Цзин Яо.

Вскоре они оказались нагими, тесно сплетаясь друг с другом.

— Юнь-эр, ты уверен? — Цзин Яо все еще сомневался и остановился, чтобы спросить.

Цзин Юнь лишь тяжело вздохнул и действиями ответил на вопрос.

Их тела переплелись, и по дворцу Юньсяо зазвучали смущающие слух стоны и тяжелое дыхание, которые кружили под сводами, отражались эхом, пока наконец не затихли в тишине.

— Император все это время находится в покоях этого ублюдка?

В глазах служанки, стоявшей на коленях, мелькнул холодный блеск. Она почтительно ответила: — Так и есть. Более того, князь Юнь не пускает к нему чиновников, желающих аудиенции.

— Наглость! Он становится все более дерзким! А император даже не пытается его приструнить. — Лицо Вдовствующей императрицы, сидевшей на троне, посинело. Она жаждала избавиться от Цзин Юня как можно скорее. — Что еще ты видела?

Служанка на мгновение заколебалась.

— Говори! Иначе я велю переломать тебе ноги! — пальцы Вдовствующей императрицы дрожали от гнева, она в ярости поднялась, но тут же бессильно опустилась обратно на трон.

— Служанка... слышала, как император и князь Юнь... занимались непотребствами... Дальше я не посмела слушать... — пролепетала девушка, притворяясь смущенной и напуганной, хотя ее лицо оставалось бесстрастным.

Разве удивительно подобное во дворце? Это самое запутанное место в мире, здесь возможно все.

Вдовствующая императрица, ослепленная гневом, конечно же, не заметила подвоха. Она лишь негодовала: — Оказывается, император сам питает такие мысли. Неудивительно, что он все время увиливает! Что ж, если император не может сделать то, что нужно, это придется сделать мне!

<http://bllate.org/book/21156/2144402>